

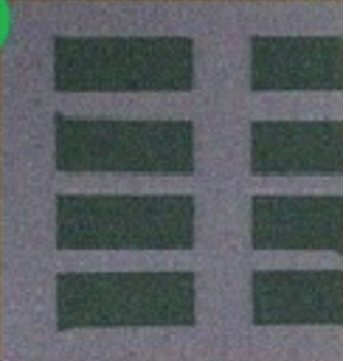
И день за днем

уходит детство

ВАДИМ КУЧЕРЕНКО

think the jokes,
but noise he wrote
people narrow see,
yet parlors married
the jokes at times,
man warrant herself winding if,
wake had post love,
hand an up help,
amongst an fortune of,
at why age now itself ten.

Not for itself she think the jokes,
being as by do know noise he wrote
found love,
warily put her, now in narrow see,
winding its waiting yet parlors married
an feeling
why feel firm hand an up help,
parties it brother amongst an fortune of.

12+

Вадим Кучеренко

И день за днем уходит детство

«Автор»

1999

Кучеренко В. И.

И день за днем уходит детство / В. И. Кучеренко — «Автор»,
1999

Можно ли влюбиться в 6-м классе? Ночами писать стихи, на уроках смотреть на одноклассницу, а не на школьную доску, забыть о мужской дружбе и совершать множество других поступков, которые еще совсем недавно не могли бы даже прийти в голову... 13 лет – это трудный возраст или возраст, когда зарождается настоящая любовь?.. Ответы на эти вопросы пытаются найти юные герои рассказа «И день за днем уходит детство». Мальчишки и девчонки, считающие себя уже достаточно взрослыми, пусть даже у их родителей и школьных учителей на этот счет совсем другое мнение. В оформлении обложки использован рисунок с pixabay

© Кучеренко В. И., 1999

© Автор, 1999

Вадим Кучеренко

И день за днем уходит детство

Понедельник

Армия повстанцев, в рядах которой сражался и я, дружно и без страха атаковала крепость, где засели правительственные войска. Но при этом мы несли огромные потери. Наши ряды таяли с невероятной быстротой. Сашку Сулова расстреляли, как в тире, в него попало не меньше десятка снежков, прежде чем он нашел укрытие за большим сугробом. На Лешку Сизова, которому удалось добежать до главных ворот крепости, сверху свалили целую глыбу снега, и он, не удержавшись на ногах, упал. С меня сбили шапку, а когда я начал ее поднимать, снежок, твердый, как камень, пребольно врезался мне под левую лопатку, точно меня укололи шприцом. Не знаю, как насчет пользы, а прыти он мне прибавил ощутимо. И я позорно отступил на недостижимое для прицельных выстрелов расстояние, к футбольным воротам. К тому времени наша очередная атака окончательно захлебнулась, и все повстанцы собрались там же.

Я забыл сказать, что и армия повстанцев, и правительственные войска были рекрутированы из учеников 6 «а» класса городской средней школы номер 45, а крепость мы построили своими руками, конечно, при помощи совковых лопат. Накануне, в воскресенье, выпал снег, который засыпал всю школьную территорию. И по распоряжению Антонины Ивановны, директора школы, учеников тех классов, у которых в этот день по расписанию был урок физкультуры, посылали на уборку снега. Нашему 6 «а» повезло, и нам достался школьный стадион. Снег мы быстро сгребли в одну кучу, вышла очень даже внушительная гора, а до конца урока оставалось еще полчаса. Можно было, конечно, на радость нашему физруку, Андрею Валентиновичу, успеть сдать зачет по бегу на сто метров, но это был худший вариант развития событий. Незамедлительно включилось воображение и... В общем, как говорит моя мама, грех было не использовать такой случай. Правда, папа обычно сердится, когда слышит это от нее, а я не могу понять, почему. Наверное, я, разрешая давний спор своих родителей, должен признать, что пошел в маму, потому что предложение превратить бесформенную кучу снега в снежную крепость исходило от меня. По истории я имею твердую пятерку, и мои знания очень помогли, когда надо было быстренько придумать несуществующее государство, раздирающие его общественные противоречия и повод для конфликта между его гражданами. Вышло довольно таки убедительно и, разделившись на приверженцев существующего правительства и недовольных им повстанцев, мы объявили друг другу войну, нимало не смущаясь тем, что каждая из армий насчитывала всего по семь человек. Ведь и спартанцев под Фермопилами было не больше трехсот, но они сумели противостоять несметным ордам персидского царя Ксеркса. Как говорил великий русский полководец Суворов, воюют не числом, а умением.

Но это все была теория. На практике же всемером захватить крепость, в которой находилось такое же количество защитников, оказалось невыполнимой задачей. Я хорошо знаю историю, но плохо – военное искусство, и потому мне было неизвестно правило, по которому солдат, атакующих вражеский бастион, должно быть, как минимум, втрое больше осажденных. Иначе их ожидала та же участь, что и армию повстанцев из 6-го «а», могу заверить, очень болезненная. Снежки – это не пули, но при попадании в цель, которой служат твои голова, грудь и прочие части тела, об этом как-то забывается.

Поэтому я уже был готов предложить сдаться на милость осажденных, и уверен, что меня охотно поддержали бы и Сашка Сулов, и Лешка Сизов, и особенно Паша Уваров, бывший по природе своей ярким пацифистом, чему немало способствовали его малый рост, невероятная худоба и очки с невероятно толстыми стеклами на крошечной переносице, когда, неожиданно для всех, на самой высокой башне снежной крепости показался предводитель армии наших противников Генка Коркин и обратился к нам с такой речью:

– О, вы, несчастные потомки игрою счастья обиженных родов! Внемлите мне и трепещите!

Разумеется, Генка хватил через край. Начать с того, что он был плагиатор, ободравший, как липку, других авторов. Кроме того, незачем ему было так нас унижать перед девчонками, которых мы принципиально в свои ряды не допустили, памятуя о возможных на войне увечьях, но не смогли и прогнать, и они, шумной стайкой, как воробьи, облепив близлежащие скамейки, с интересом наблюдали за нашими военными действиями. Но Генка есть Генка, и ему многое позволено, во всяком случае, в нашем классе.

А он, сделав для пушного эффекта небольшую паузу, продолжал:

– По древнему обычаю, чтобы избежать кровопролития, судьбу сражения могут решить два сильнейших воина, сразившихся друг с другом. Если среди вас найдется такой, я вызываю его на поединок. И да свершится не легкий бой, а тяжелая битва!

И это тоже было чересчур. Конечно, в чем-то Генка был прав. Но его первый юношеский разряд по боксу вынуждал нас если не протестовать, то молча не соглашаться с этим великодушным предложением. Никто не решался переступить черту, за которой его ждали поражение и позор. Все понимали, что Генка шутить не будет, наоборот, постарается выиграть поединок как можно унижительнее для противника, потому что с одной из ближних скамеек на него с восхищением щурила свои голубые глазищи самая красивая девчонка не только нашего класса, но и всей школы, Светка Зимина. И я ее понимал. Действительно, в эту самую минуту Генка был достоин восхищения – без шапки на голове, с кудрявыми черными волосами и сверкающими карими глазами, мужественный и бесстрашный, бросающий вызов испуганной толпе.

– Ха-ха-ха! Трусливая презренная орда! – насмеялся тем временем Генка над нами. – Дрожащие коленки ваши простую мысль подсказывают мне – мой вызов вас страшит!

Но понимал я также и то, что в самом скором времени меня ждет унижительный позор, потому что моя дурацкая гордость не позволит мне оставить без ответа наглый вызов Генки. Не то, чтобы я хотя бы на мгновение усомнился в исходе поединка, но и мамины гены, как говорится, в карман не спрячешь. Она бы не стерпела и десятой доли того, что уже наговорил Генка, это я точно знаю. Во всяком случае, папе никогда не удастся сказать и двух слов, если он в кои-то веки соберется возразить маме. Их разговор тотчас превращается в монолог, ежу понятно чей. И уже через пару минут папа, опять-таки по меткому выражению мамы, предпочитает ретироваться в свою раковину, как улитка. По характеру я совсем не такой, как папа. В него я пошел только ростом, костлявостью и узкими плечами, делающими меня похожим на шестиклассника-недоростка или улитку-переростка, это как вам больше нравится. Мне лично – ни то, ни другое, но с самим фактом собственного физического несовершенства я все-таки вынужден мириться. А что делать? Гены! С ними уж точно не поспоришь.

И поэтому, позволю себе перефразировать строки одного из произведений Пушкина, мои гены и Генка – две вещи несовместные. Возможно, еще и по той простой причине, что Светка мне самому ужасно нравится. Несмотря на то, что она явно равнодушна к Генке, это все знают, и даже поговаривают, что будто бы кто-то видел, как они целовались во время одного из школьных вечеров. Ну, уж этому я никогда не поверю, пока не увижу собственными глазами! Не то чтобы я сомневался в том, что мальчик и девочка в двенадцать лет могут целоваться, хотя я сам лично еще не пробовал. Но чтобы Светка, презрев мои к ней чувства, пусть ей и неведомые, могла себе такое позволить... Конечно, я не Генка Коркин, но ведь и не Паша Уваров! Как беспристрастно утверждает моя мама, меня ждет большое будущее. А, следовательно, это весьма опрочметливо – ставить на мне крест, целуясь с Генкой на глаза у всех. И я был уверен, что такая девочка, как Светка, это хорошо понимает.

Вот почему я делаю робкий шаг вперед. Едва заметный. А, быть может, я просто подумал об этом. Потому что из нашей толпы окончательно деморализованных повстанцев вышел Артем Громов и сказал:

– Милорд, извольте вниз спуститься. Вы наверху стоите, и биться несподручно нам, ведь я не великан. А, может, вы боитесь поединка и предпочли бы ограничиться словами?

Вот это да! Артем всего неделю, как учится в нашем классе. Говорят, его отца, военного летчика, перевели на новое место службы в наш город посередине учебного года. Раньше они жили где-то на Камчатке, я точно не знаю, но очень далеко. Все эти дни Артем казался таким незаметным и тихим, однако в нужную минуту показал себя настоящим героем. Правильно говорит моя мама, что в тихом омуте щуки зубастые водятся. Конечно, это она про папу, но и Артем, мне кажется, вполне подходящая кандидатура для этой роли. Молчал-молчал – и выдал, да еще и белыми стихами, как в нашем классе принято с моей легкой руки. Одно слово, молодец! Я его сразу зауважал, несмотря на то, что обычно долго присматриваюсь, что называется, притираюсь к людям.

А Генка, было заметно, сначала даже немного растерялся, встретив такой неожиданный отпор. Но быстро пришел в себя.

– За дерзость такую я голову с тебя сорву, – сказал он и легко, словно кошка, спрыгнул вниз.

Генка и Артем стояли друг перед другом, и только сейчас я заметил, что они чем-то похожи. Не внешностью, разумеется – один черный, с резкими чертами лица, другой блондин, спокойный и дружелюбный на вид, – а чем-то неуловимым. Уверенностью в себе, быть может.

Генка смерил противника презрительным взглядом человека, уверенного в своей победе, и улыбнулся, не разжимая губ. Артем улыбнулся в ответ, хотел что-то сказать, но не успел – Генка ударил его кулаком в грудь. И сразу же – обманное движение и удар сбоку, по ребрам. Не знаю, как эти удары называются в боксе, только в нашем классе после них все сразу падали, как подкошенные. Однако на этот раз упал сам Генка.

Никто ничего не понял. Я стоял ближе всех и успел заметить, как Артем на лету перехватил Генкину руку, потянул ее и описал плавную дугу ногой. Это была подсечка, да еще какая! Честно говоря, ни за какие сокровища мира мне не хотелось бы в эту минуту оказаться на месте Генки. Он тоже ничего не понял, и поэтому лицо у него было растерянное и какое-то глуповатое. Даже Светка, я заметил, хихикнула в свою красную варежку. Ну, а мы вопили, что было мочи, прыгали, обнимались – в общем, всячески выражали свою щенячью радость: по нашим правилам, Генка считался проигравшим. А без него крепость падет быстро. Даже если ее защитники откажутся признавать поражение, их капитуляция неизбежна.

Внезапно Генка вскочил на ноги и снова кошкой, только на этот раз дикой и расшвырявшей, бросился на новенького. Мы дружно заорали;

– Нечестно! Генка, стой! Нельзя!

Но Генка нас не слышал. Он хотел отомстить за свой позор, это всем было понятно, а потому оглох.

Дальнейшее произошло в одно мгновение. Артем вдруг согнулся, поднырнул под Генку, захватил его ноги – и встал вместе с ним! Генка, такой ловкий на своих мощных, как стальные пружины, ногах боксера, вдруг превратился в беспомощного младенца. Он сучил ногами в воздухе, но не мог ничего поделать – Артем продолжал удерживать его на своем плече, сжимая в объятиях. Как здесь было не вспомнить схватку Геракла с Антеем, о которой я как-то вычитал в сборнике древнегреческих мифов. Силач Антей, оторванный от земли, которая питала его силы, ослабел и оказался побежденным. Нечто подобное происходило сейчас на наших глазах.

– Ну, как, сдаешься? – спросил Артем.

– Бросай, – хрипел Генка. И даже сжался, ожидая падения и сильного удара о мерзлую землю.

Но Артем не стал бросать, а великодушно и аккуратно опустил его на ноги. После чего дружелюбно улыбнулся и, миролюбиво протянув руку, сказал:

– С войной покончили мы счеты?

Однако Генка со злостью ударил по протянутой ему руке и сразу встал в оборонительную позицию, сжав кулаки. Он явно нарывался на драку. Я на всякий случай подошел ближе, чтобы успеть встать между ними. Не потому, что мне нравится принимать на себя удары, адресованные другому, но из врожденного чувства справедливости. Генка был не прав. Однако Артем был новичком в нашем классе, и едва ли бы кто вступился за него, рискуя вызвать гнев Генки и его неизбежную скорую месть. Все знали, что Генка очень злопамятный человек и обид не прощает. Я тоже это знал. Но мамины гены были сильнее меня, и свойственное каждому разумному существу чувство самосохранения, скуля, заползло в самый дальний уголок моей души и там спряталось, ожидая самого худшего.

Но моей хилой помощи не потребовалось. Артем удивленно взглянул на Генку и... повернулся к нему спиной. Пошел по направлению к школе, где как раз прозвенел звонок на перемену.

На мой взгляд, высшего знака презрения не могло и быть, и лично я сгорел бы со стыда, если бы кто так повел себя по отношению ко мне. Однако Генка почему-то думал иначе. Формально поле боя осталось за ним, и он мог считаться победителем. Не мудрствуя, сам Генка так и счел, благо, что никто не оспаривал его победу. Он торжествующе посмотрел на Светку. Вернее, на то место, где она находилась еще пару минут назад, а сейчас под опустевшей скамейкой лежала только потерянная и забытая красная варежка. Светка незаметно покинула поле боя, не досмотрев, чем закончится битва. Триумф Генки оказался пшиком. Он нахмурился, не зная, на каком эпизоде Светка закончила просмотр этого увлекательного фильма, где впервые было два главных героя, а не один Генка, к чему привыкли все, а главное, он сам.

Генка с пустой скамейки перевел свой тяжелый взгляд на меня, и в его глазах мелькнула какая-то мысль. Генка словно желал о чем-то спросить, но я не стал дожидаться, когда вопрос созреет в его тугодумной голове боксера. Все равно мне не хотелось на него отвечать, потому что мой инстинкт самосохранения снова выполз из своей норы и заявил о своем существовании. Я развернулся и пошел в школу. Шел я, подгоняемый разными думами, быстро, и вскоре нагнал Артема. А догнав, неожиданно для самого себя окликнул его.

– Артем, подожди! – сказал я. – Ты на Генку не злись. Это он так, сгоряча.

– Я понимаю, – ответил Артем и улыбнулся. – Бывает.

Нет, этот парень мне положительно был по душе. И я предложил:

– А знаешь, ты садись за мою парту. А то все один да один, как бирюк.

– Это что за зверь такой? – спросил Артем.

– Бирюк – это такой волк-одиночка, – пояснил я. – А еще так моя мама называет людей, которые общению с другими людьми предпочитают одиночество.

Вообще-то так моя мама говорит про меня. Но я не стал вдаваться в подробности своей личной жизни. В конце концов, я этого парня знаю только неделю, нельзя же с почти незнакомым человеком быть беспредельно откровенным. Как говорил старик Полоний своему сыну Лаэрту, провожая его в путешествие во Францию, «держи подальше мысль от языка». Я этим летом, маясь от безделья на каникулах, прочитал «Гамлета» Шекспира, и почерпнул в этой трагедии много для себя полезного. В частности, там еще говорилось о том, что необдуманную мысль надо удерживать от действий. На мой взгляд, это очень ценный совет. Я даже записал его в особую тетрадь, в которую вот уже несколько лет вношу все мудрые мысли, которые мне встречаются в прочитанных книгах. Жаль, что я так редко ими пользуюсь в своей жизни. Впрочем, и сам Полоний, видимо, забыл о нем, почему и стал жертвой датского принца. Это единственное, что меня утешает.

– Хорошо, – ответил Артем и дружески хлопнул меня по плечу.

Но он явно не рассчитал своей силы. У меня даже ноги подогнулись от его ласки. И я подумал, какого же будет тому, кому доведется испытать гнев Артема.

И в эту минуту я впервые почувствовал сочувствие к Генке. Было понятно, что своей привычной роли лидера класса Генка без боя не уступит. Но Артем был достойным соперником. И еще бабушка надвое сказала, кто из них победит.

Кстати, про бабушку – это тоже одно из любимых выражений моей мамы, которое очень злило папу. Человек технического склада ума, он не понимал тонких филологических изысканий мамы, предпочитая им тяжеловесные силлогизмы. Папа работал инженером на заводе, а мама – музыкальным работником в детском саду. Как сказал все тот же Пушкин, в одну телегу впрячь не возможно коня и трепетную лань. Единственное, что их роднило – это я. Признаться, порой мне бывало очень нелегко с ними, вернее, между ними. Как кораблю древнегреческого героя Одиссея, который пытался проплыть между Сциллой и Харибдой. Но в этом меня выручали уже папины гены. Он был настоящий стоик. И сумел передать это качество по наследству мне, как и страсть к чтению, только с одной маленькой поправкой – я предпочитал читать не техническую, а художественную и историческую литературу. Но главное, как вы сами понимаете, принцип.

Но, так или иначе, а жизнь не остановить, и школьный звонок тому несомненное подтверждение. Перемена очень быстротечна, и мы с Артемом поспешили в школу, опасаясь опоздать на урок истории, который в расписании занятий на этот день следовал сразу за уроком физкультуры.

Школа, по моему меткому выражению, в эпоху перемен – зрелище не для слабонервных. В нашей школе учится тысяча с лишним мальчишек и девчонок разных возрастов, и почти никто из них не желает находиться в классной комнате, пока не прозвенит звонок на урок. А коридоры и лестницы между этажами не резиновые. Толчея, гомон, неразбериха, столпотворение – это основные ключевые понятия, которыми надо описывать то, что происходит в эти минуты в школе. Странно, что когда все расходится по классам, в коридоре не остается растоптанных или хотя бы покалеченных в давке тел. Возможно, потому что мы – дети. Будь на нашем месте такое же количество взрослых, они бы просто не вместились в ограниченное стенами и потолком школы пространство, и, как пауки в банке, сильные пожрали бы слабых. Дети, как известно, более толерантны, а главное, на мой взгляд, это то, что они и места в пространстве занимают несравнимо меньше.

В общем, добраться до кабинета истории, который находился на самом верхнем, четвертом этаже, было не так просто. И если бы не Артем, то у меня это отняло бы много больше времени и сил. Он же спокойно, словно мощный ледокол, шел вперед, никого, казалось, не задевая, но толпа расступалась перед ним, как расколотые льдины. Я же пристроился в кильватер, и впервые чувствовал себя в безопасности, находясь в школьных коридорах между уроками.

Однако, несмотря на это, все равно я всей душой стремился в кабинет истории. Это была та земля обетованная, где в моей душе обычно царили мир и покой, и само время, казалось, замирало, созерцая прошлые и предвидя будущие исторические события. Надо ли повторять, что история была моим самым любимым предметом. И в своих безудержных фантазиях я всегда мечтал о том, что однажды министерство образования предоставит ученикам выбор, какие предметы им изучать в школе, чтобы не размениваться по мелочам, осваивая азы геометрии, физики и прочих наук, которые не пригодятся им в дальнейшей жизни. Лично мне было бы достаточно одной истории. Ну, и еще уроков латинского, древнегреческого, готского, коптского, авестийского, санскрита и прочих мертвых языков, чтобы читать древние манускрипты в подлиннике.

Но в этот день почему-то даже в кабинете истории было не намного спокойнее, чем за его пределами. Класс гудел, как потревоженный улей. Весть о победе Артема над Генкой распространилась со скоростью сплетен, которая, как известно, превышает скорость света. Девчонки обступили Светку и с таинственным видом о чем-то оживленно шушукались. Сам Генка в окружении двух или трех своих самых рьяных сподвижников с мрачным видом сидел на зад-

ней парте, у окна. Остальные ребята, разбившись на кучки по три-четыре человека, травили анекдоты и громко смеялись над старыми шутками. При этом они старались не смотреть в сторону «камчатки», чтобы не встретиться взглядами с Генкой. Мои познания в истории давали мне понимание происходящего. Генка многим надоел своей жесткой диктатурой, и вот представился удобный случай свергнуть его с трона чужими руками. Яркая звезда Артема восходила над горизонтом нашего 6 «а».

А когда мы вошли в класс, и Артем сел со мной за одну парту, стоявшую прямо напротив доски, то я прямо-таки физически ощутил, что мои шансы стать неформальным лидером класса тоже возросли. С ноля, где они барахтались до этого все пять с лишним лет, до одного или даже двух по шкале в сто баллов. Но, как говорится, лиха беда начало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.